

То, что это «отставить» сошло с киноэкрана на магнитофон, мы тогда не знали, — да ладно, нам было все равно. Магнитофон для нас являлся предметом поклонения. Поклонение звали — Владимир Высоцкий.

Где поклонение, там — легенда. Для взрослых. А для детей — сказка.

В заповедных и дремучих,
Страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
И в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи — то разбойники.

С эдаким протяжным эхом: «Страшно, аж зуть!...»

Да ничуть не страшно, потому что — весело! Ну, объявилось «в королевстве, где все тихо и складно», чудо-юдо. Ну, «зверюга ужасный коих ел, а коих в лес волочил». Так ведь нашелся поблизости «бывший лучший, но опальный стрелок», уж он-то мимоходом, в одну авторскую проговорочку, «чуду-юду уложил — и убег». Потому что он хоть и бывший лучший, но, главное, — опальный. Пьяноватый, к тому же. С настоящим магнитофонным характером.

Магнитофонный характер в легенду вполне укладывался. В советской стране мало кто не жил в разнокалиберной опале у разнокалиберных астматических начальников. Да и начальники, случалось, соревновались друг с другом за право быть самыми опальными. Мамайкина вот сняли. Жукова. Хрущева...

Где опала — там сопротивление. Хотя бы на уровне коммунально-блочной кухни. А уж там и до заступничества недалеко.

Высоцкого так и слушали при жизни — узнает и защитит. К нему так и ходили после смерти — не защитит, так утешит.

Не суть важно, как. Важно — всех. И урку из Большого Каретного, и работягу из комплексной бригады, и доцента-кандидата с колхозной картошкой. Даже отставленного Хрущева — ездил к нему Высоцкий, пел, говорил с ним начистоту...

Следуя легенде, Высоцкий начал с «блатных» сюжетов. Тут есть вполне естественная и по-своему безальтернативная логика. Острые, не затухающие воспоминания подростка об «изнаночной», «центральной» Москве послевоенных лет, где бьют и чужих и своих и все, от за-

пойного уголовника до университетского профессора и знаменитого поэта, знают — «коридоры кончаются стенкой, а тоннели выходят на свет». Возвращение уцелевших по пятьдесят восьмой со всеми подпунктами, сколько их там, в лучшей советской книге — сталинском уголовном кодексе — было. И азартное, конечно, желание исследовать фактуру с этой самой изнанки, — так входили в литературу Горький, Бабель, Зощенко. Так преодолевал в себе «любовь хулигана» московский гуляка Сергей Есенин. В этой фактуре действительно было больше игровой публицистики, чем традиционной лирики-прозы. Авторский голос звучит с неизменной иронией, — слышен он и в сатирических, и в драматических самораскрытиях персонажей. Природа ее заключена в стремлении поэта «уравнять в правах» эстетику и антиэстетику своего времени. Между прочим, А. Д. Синявский, знаток и собиратель блатного фольклора, читавший Высоцкому русскую литературу в Школе-студии МХАТ, записывал на магнитофон его устные рассказы. Из лучших — такой.

«Двое блатных обсуждают “Анну Каренину”. Один другому говорит:

—...Молчи, гад, подлюка, сволочь, ща пасть порву! Ты что же, сука, ты же испускаешь... не можешь за него слова сказать, гадюка! Я же сидел во втором ряду балкона, понял? И только — смори! — открывается это занавес с белой чашечкой — стилизация, понял? И тока выходит на сцену Анка Каре, баба. У нее груди — во! Вообще все — во! ...Тока выходит она на сцену, к ней с левой стороны подваливается Каре-муж, интеллигент махровый! У него — прохоря такие, смокинг шикарный, белые астры, черные гетры. Тока подходит он к ней с левой стороны и говорит слабым голосом, говорит: “Анка, дай!” Она говорит: “Нет”. Он ей говорит: “Дай, Анка!” Она говорит: “Нет”. Он кричит: “Дай, — кричит, — падла!!!” Она кричит: “Нет!” Он кричит: “Дай!!!” Она кричит: “Нет!!!» ...Он — интеллигент, он долго просить не будет: он ушел. В это время на сцену выходит Вронка-парень. Вронка-парень, плечи — во! Вся грудь в орденах, Герой Советского Союза. Тока он подходит он к ней с левой стороны, говорит: “Анка, — говорит, — дай!” Она говорит: “Нет!” — “Дай!” Говорит: “Нет” — “Дай!” Она говорит: “...Нет!!!” Он говорит: “Дай, падлана..!” На глотку берет, понял? Она говорит: “На!!!” — и под поезд... Понял? Ты говоришь, что ты Анку не понял... Ты сволочь, падла, ща... от ща пасть порву, паразит!»

Что это, как не образец найденного стиля, не универсальная художественная модель? В отличие от нее блатные романы иронии лишены напрочь, они строятся не по законам литературы, но сугубо по законам зоны — там все больше в ходу истерика и надлом. В зоне не догадываются о том, что «тайны счастья и гроба», о которых размышлял еще Пушкин, одинаковы для всех. И для «гражданина начальника Токарева», и для профессорского сынка Сережки Фомина, и для выдавших

виды штрафбатовцев, и для алкаша, которому «лучше с чертом, чем с самим собой»...

Легенда не предполагает подлинной биографии, поэтому услышанное — а позже, с кинематографического «явления народу», еще и увиденное — в подлинную биографию вживляли. Вживление получалось вялым и скучным, потому что легенда голосом Высоцкого сказала о себе все. Но под ее воздействием трудно было распознать книгочея с «махрово» интеллигентным и тихим голосом. «То была не интрижка, — /Ты была на ладошке, /Как прекрасная книжка /В грубой суперобложке. /...Твои бурные ласки /И все прочие средства — /Это страшно, как в сказке /Очень раннего детства. /Я надеялся втайне, /Что тебя не листали, — /Но тебя, как в читальне, /Очень многие брали. /Не дожидаться мне мига, /Когда я с опозданием /Сдам с рук на руки книгу /С неприличным названием...»

Композитор Альфред Шнитке об этом несовпадении рассуждал так:

«Я считаю, что Высоцкий был одной из пяти примерно фигур... Но именно на него легла тяжесть, которая могла бы лечь и на Булата Окуджаву, и на Новеллу Матвееву, о которой сейчас мало говорят. Тяжесть легла на Высоцкого не только потому, что он рано умер и сразу стал легендой, но и потому, что именно в нем было больше всего “центральных” качеств.

Примеров — нотных, — которые иллюстрировали бы это, ты не можешь назвать. Но чувствующим сознанием ты замечаешь — дело не в элементарных нотах. Ты думаешь о его голосе, о том, как он интонирует слова, как он распевает согласные, как согласуется ритмика слов с ритмикой стандартного аккомпанемента. У него есть песни с очень хорошими мелодиями. Например, песня про волка. Или песня, где появляется птица Алконост... И ты замечаешь, что это — не обычный его интонационный уровень, а тот, следующий, — куда он лишь иногда выходил. И в этот уровень не выходил Окуджава.

Чувство слышания в этом жанре — при всей видимости грубых деталей, — чувство чего-то не окончательно формулируемого, неопределимого, не дающегося в слово, неназываемого, но существующего, — вот это есть у Высоцкого в максимальной степени...

Высоцкий обладал гораздо большей культурой, чем персонажи его песен. Ведь этот персонаж, этот жлоб — это не Высоцкий. А Высоцкий был Гамлет, он это все понимал и чувствовал».

Наши взрослые увидели в Высоцком, если по-хорошему, лишь агрессивного полуинтеллигентного выскочку с модной гитарой. А если по-плохому — тогда и говорить нечего. Бутырский хутор. Владимирский централ. Кресты.

Помнится, по-плохому было — гораздо больше...

Но дети увидели в его начале — игру, маскарад. А ну-ка, угадай. Ка-таки-разбойники. Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас.

Мы поняли Высоцкого раньше и лучше, чем взрослые. Мы играли в те же игры, только по-своему. Аккумулятор наших игр был один — магнитная лента с его голосом, с его словом.

О том, что строки его — высокая поэзия, догадывались немногие. Анна Андреевна Ахматова однажды процитировала юному Бродскому, считая это фольклором: «Я был душой дурного общества, /И я могу сказать тебе: /Мою фамилию-имя-отчество /Прекрасно знали в КГБ...»/ Помните? Там еще такая ироническая, выпадающая в светский тон концовка. Почти романс. «И дело не было отложено, /И огласили приговор, — /И дали все, что мне положено, /Плюс пять мне сделал прокурор. /Мой адвокат хотел по совести /За мой такой веселый нрав, — /А прокурор просил всей строгости — /И был, по-моему, неправ. /С тех пор заглохло мое творчество, /Я стал скучающий субъект, /Зачем же быть душою общества, /Когда души в нем вовсе нет!..»

Эта поражавшая всех, кто его близко знал, светскость... Александр Межиров вспоминает в одном из первых своих американских интервью с Марком Цыбульским:

«Однажды произошла русская, нелепая ситуация. Мы приехали с Евтушенко в Ленинград на вечер поэзии. Номер Евтушенко в гостинице “Европейская” явно готовил КГБ, но по ошибке туда вселили меня. Я не исключаю, что Высоцкий пришел тогда не ко мне, а к Евтушенко.

Высоцкий начал петь и очень долго и замечательно пел. Я ему сказал тогда, что очень люблю его короткие песни, ранние песни. Я сказал, что, например, песня “Сегодня я с большой охотой...” такая чистая, что она для меня, как сонет Лауре. И он начал петь, выбирая песни для меня. Это было совершенно упоительно.

И еще одна встреча. Помню, однажды Высоцкий приехал с женой ко мне. У меня была высокая температура, сильный жар, но я не лежал в постели, а был одет. Однако он сразу почувствовал, что я болен, и хотел тут же уехать. Я же говорю, — он был светский человек, и об этом, к сожалению, никто никогда не узнает, потому что образ остался совершенно иной...»

Образ остался — сказочный. Потому что для нас живым был только голос. Человека во плоти и крови мы не видели. Киногерои — радист из «Вертикали», поручик Брусенцов из «Служили два товарища», подпольщик из «Опасных гастролей» — с магнитофоном как-то не вязались. Зато очень даже вязалось такое:

Я — «ЯК», истребитель, — мотор мой звенит,
Небо — моя обитель, —
А тот, который во мне сидит,
Считает, что он — истребитель.

В этом бою мною «юнкерс» сбит —
Я сделал с ним, что хотел, —
А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел!

Я в прошлом бою навылет прошит,
Меня механик заштопал, —
А тот, который во мне сидит,
Опять заставляет — в штопор!

Или заводная — как сам Высоцкий ее называл, — «детская народная»
песня:

В желтой жаркой Африке,
В центральной ее части,
Как то вдруг вне графика
Случилось несчастье, —
Слон сказал, не разобрав:
«Видно, быть потопу!..»
В общем, так: один Жираф
Влюбился — в Антилопу!

Тут поднялся галдеж и лай, —
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

По законам детской сказки, магнитофонный образ был живее образа, увиденного на киноэкране. Потому что киноэкран ставил точку. А нам хотелось запятой. Или многоточия. Мы были в своем праве.

Многоточие всегда иронично. Даже если дела — швах и вразнос. Даже если Лукоморья больше нет и в Австралии злые мангусты истребили полезнейших змей.

Что же будет дальше? Погоди, еще узнаешь...

Дальше — сказка стала взрослеть. И мы вместе с нею. Как последний праздник, блеснула грамзапись «Алисы в стране чудес» с его песнями и участием. Но мы уже видели себя глазами московского мальчишки, родившегося в тридцать восьмом году — в пору, когда страна, так и не очнувшись от ежовских лагерей, стремительно катила в новые — уже бериевские.

Сказка иссякла. Началась «Баллада о детстве», прожитая и написанная беспощадным реалистом — и потому ставшая великим эпосом и народной легендой.

Началась жизнь. «Спасибо вам, святители, /Что плюнули, да дунули, /Что вдруг мои родители /Зачать меня задумали — /В те времена укромные, /Теперь — почти былинные, /Когда срока огромные /Брели в этапы длинные...»

Следом — война. Для него это стало главным. Не просто графа в анкете. Не линии судьбы на детской ладони. А целое мировоззрение, искусство видеть окружающее из предельной точки. Эвакуация: Бузулукский район Чкаловской, то есть Оренбургской, области. Помните, у Окуджавы есть стихотворение: «Низкорослый лесок по пути в Бузулук, /Весь похожий на пыльную армию леших, / Пеших, песни лихие допевших, /Сбивших ноги, продрогших, по суткам не евших /И застывших, как будто в преддверье разлук...»? В точности так, именно оттуда возвратился мальчик в свой «дом на Первой Мещанской — в конце». Где тридцать восемь комнаток и система — коридорная... В продолжение эпоса.

...Не боялась сирены соседка
И привыкла к ней мать понемногу,
И плевал я — здоровый трехлетка —
На воздушную эту тревогу!

Да не все то, что сверху, — от Бога, —
И народ «зажигалки» тушил;
И как малая фронту подмога —
Мой песок и дырявый кувшин.

Но вот — «изнаночная» сторона этого бесстрашия:

И било солнце в три ручья,
Сквозь дыры крыш просеяно,
На Евдоким Кирилыча
И Гисю Моисеевну.

Она ему: «Как сыновья?» —
«Да без вести пропавшие!
Эх, Гиська, мы одна семья —
Вы тоже пострадавшие!

Вы тоже — пострадавшие,
А значит — обрусевшие:
Мои — без вести павшие,
Твои — безвинно севшие».

Тоннели, конечно, выходят на свет. Но чтобы его увидеть, нужно миновать и такое:

У тети Зины кофточка
С драконами да змеями,
То у Попова Вовчика
Отец пришел с трофеями.

Трофейная Япония,
Трофейная Германия...
Пришла страна Лимония,
Сплошная Чемодания!

Никаких иллюзий, все просто и обыденно.

Все — от нас до почти годовалых —
«Толковищу» вели до кровянки, —
А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки.

Не досталось им даже по пуле, —
В «ремеслухе» — живи не тужи:
Ни дерзнуть, ни рискнуть, — но рискнули
Из напильников делать ножи.

Они воткнутся в легкие,
От никотина черные,
По рукоятки легкие
Трехцветные наборные...

Вели дела обменные
Сопливые острожники —
На стройке немцы пленные
На хлеб меняли ножики.

Сперва играли в «фантики»
В «пристенок» с крохоборами, —
И вот ушли романтики
Из подворотен ворами.

Война продолжается — только уже против своих. Вернее, ее нечеловеческая жестокость ищет выход в жестокости человеческого мира.

...Было время — и были подвалы,
Было дело — и цены снижали,
И текли куда надо каналы,
И в конце куда надо впадали.

Дети бывших старшин да майоров
До ледовых широт поднялись,
Потому что из тех коридоров,
Им казалось, сподручнее — вниз.

Завершено — без надрыва, с ясным пониманием трагедии, с полным правом на прошлое — свое и общее.

«Баллада о детстве» — лучшее и вершинное слово Владимира Высоцкого. О том, что он чувствовал на подступах к этой вершине, рассказывает Александр Межиров все в том же интервью с М. Цыбульским:

«Однажды Высоцкий у Слуцкого организовал встречу, очень нелегкую. Были Слуцкий, Самойлов и я. Он хотел, чтобы мы ему сказали, может ли он уйти из театра и существовать (не материально, а духовно, умственно) как поэт. Это было так трогательно и наивно, потому что он это знал вовсе не хуже, чем любой из нас, но он считал, что он этого не знает. Он не притворялся, он считал, что это какое-то разграничение жанров и искусств — он поет, а мы не поем.

Слуцкий был большой поэт и одновременно странный человек — у него была нравоучительная интонация. Я помню, Слуцкий Высоцкому что-то сказал, очень дружески и с большим уважением, но нравоучительное, и я понял, что этот монолог надо как-то прервать. Ведь создавалась комическая ситуация — на каком основании поэт учит поэта? Но Высоцкий с непосредственностью ребенка и простодушием — при его очень сильном уме — добивался ответа на столь наивный вопрос. Но кто мог ответить ему, кроме природы и Бога?»...

Это состояние называлось — кризис. Авторская песня — по крайней мере, ее классический вариант шестидесятых годов — перестала существовать. В любимовском Театре на Таганке Высоцкий переиграл все ведущие роли от Галилея и Гамлета до Лопехина и Свидригайлова. Кинематограф радовал его меньше. Фильм «Короткие встречи», поставленный Кирией Муратовой, — лучшая его работа шестидесятых — лег на цензорскую полку.

Отлично сыгранный фон Корен в «Плохом хорошем человеке», как и сам фильм Иосифа Хейфица, оказался не понят. Последней надеждой что-то исправить был Дон Гуан в «Маленьких трагедиях» Михаила Швейцера — остальное не в счет, даже Глеб Жеглов проигрывает перед этим рядом. В сущности, жизнь Высоцкого на сцене и экране — способ уйти от актерской карьеры, путь к поэтическому слову, к большой литературе. И участие в неподцензурном альманахе «Метрополь» осенью 1978 года было для Высоцкого глубоко закономерным.

Более всего Высоцкий видел в себе поэта. Спутники-шестидесятники Евтушенко и Вознесенский относились к нему иронически. Для них он был всего лишь «меньшой брат».

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья — известные поэты:
Не стоит рифмовать «кричу — торчу».

Может, они просто ревновали Высоцкого к той «эстраде», которую сами и создали?..

Но вот — Иосиф Бродский... Во время первой своей американской поездки, в Гринвич-Виллидж, Высоцкий услышал от него слова подлинного восхищения и получил книгу с автографом — «Лучшему поэту России, как внутри ее, так и извне».

В 1981 году, после смерти поэта, Бродский сказал о его даре все до конца.

«Принято относиться к поэтам-песенникам с некоторым предубеждением. И до Высоцкого отношение ко всем бардам у меня было именно таким. Но начав слушать Высоцкого — более или менее внимательно,— я понял, что мы имеем дело именно с поэтом. Более того, я должен сказать, что меня даже не устраивало, что это сопровождается гитарой, потому что само по себе, как текст, это было совершенно замечательно.

Я говорю именно о том, что он делал с языком, о его рифмах... Это гораздо лучше, чем Кирсанов или Маяковский, — я уже не говорю о таких людях, вроде Евтушенко и Вознесенского. Дело в том, что он пользовался совершенно феноменальными составными рифмами, а гитара помогала ему скрадывать тот невероятный труд, который он затрачивал именно на лингвистическую сторону своих песен. В принципе, они поражают людей не столько благодаря содержанию и музыке, а благодаря бессознательному усвоению этой языковой фактуры. И в этом смысле, потеря Высоцкого — потеря для русского языка совершенно невозполнимая».

Высоцкий даже в пору ученичества работал над словом как одаренный профессионал. В лучших сочинениях психологическая убедительность и осанка стиха шли у него рядом.

А ну-ка пей-ка,
Кому не лень!
Вам жизнь — копейка,
А мне — мишень.
Который в фетрах,
Давай на спор:
Я — на сто метров,
А ты — в упор.

А вот — убийственно-ерническая интонация, да еще с филигранной, словно гвоздь по шляпку, рифмой.

Этот — будет выступать
на Салониках,
И детишек поучать
в кинохрониках,
И соперничать с Пеле
в закаленности,
И являть пример целе-
устремленности!

В упоении звуком, поэтической фонетикой Высоцкий — один из самых искренних и увлеченных наших лириков.

Как вербованный ишачу —
Не ханьжу, не «торчу»...
Взял билет, — лечу на Вачу,
Прилечу — похочу!

Все это — формотворчество, без которого не состоялся бы горестный предсмертный цикл, не прозвучало бы подводящее черту признание:

Я спокоен — Он мне все поведал.
«Не таись!» — велел. И я скажу —
Кто меня обидел или предал,
Покарает Тот, кому служу.
Не знаю, как: ножом ли под ребро,
Или сгорит их дом и все добро,
Или сместят, сомнут, лишат свободы...
Когда? Опять не знаю, — через годы
Или теперь. А может быть — уже...
Судьбу не обойти на вираже
И на кривой на вашей не объехать,
Напропалую тоже не протечь.
А я? Я — что! Спокоен я, по мне — хоть
Побей вас камни, град или картечь.

25 июля 1980 года наше общее с ним прошлое прекратилось. Мы повзрослели — окончательно.

Или нам это лишь показалось?

Его сказке, его легенде живет теперь ничуть не легче, нежели тогда. Не переводятся люди, готовые объявить Высоцкого кем угодно — от

шпаны до бездарности, от русофоба до «совка» — только не тем, кем он был по праву.

Да и магнитофонные бобины — давно каменный век. Кусок истории. Элемент научно-технического прогресса, борьбы шестидесятников со сталинистами, противостояния диссидентов и КГБ, спора между физиками и лириками...

Но вот что — я включаю Windows Media Player и слышу хрипловатое:

Как засмотрится мне нынче, как задышится?!

Воздух крут перед грозой, крут да вязок.

Что споется мне сегодня, что услышится?

Птицы вещи поют — да все из сказок.

Птица Сирий мне радостно скалится —

Веселит, зазывает из гнезд,

А напротив — тоскует, печалится,

Травит душу чудной Алконост...

Это — мое прошлое. Очень личное. И я его помню.

Евгений Сухарев

Я вырос в ленинградскую блокаду,

Но я тогда не пил и не гулял,
Я видел, как горят огнем Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.

Граждане смелые, а что ж тогда вы делали,
Когда наш город счет не вел смертям?
Ели хлеб с икоркою, — а я считал махоркою
Окурок с-под платформы черт-те с чем напополам.

От стужи даже птицы не летали,
А вору было нечего украсть,
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся — только б не упасть!

Было здесь до фига голодных и дистрофиков —
Все голодали, даже прокурор, —
А вы в эвакуации читали информации
И слушали по радио «От Совинформбюро».

Блокада затянулась, даже слишком,
Но наш народ врагов своих разбил, —
И можно жить, как у Христа за пазухой, под мышкой,
Но только вот мешает бригадмил.

Я скажу вам ласково,
граждане с повязками,
В душу ко мне лапою не лезь!
Про жизнь вашу личную
и непатриотичную
Знают уже органы и ВЦСПС!

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Сухарев. Право на прошлое,
или послесловие к сказке5

1961

Ленинградская блокада19
«Что же ты, зараза, бровь себе побрила...»20
«Из-за гор — я не знаю, где горы те...»21
Я был душой дурного общества22

1962

Тот, кто раньше с нею был25
Серебряные струны27
Большой Каретный28
Зэка Васильев и Петров Зэка32

1963

Колыбельная	33
Сивка-Бурка	34
«Мы вместе грабили одну и ту же хату...»	35
Бал-маскарад	36
Про Сережу Фомина	37
«За меня невеста отрыдает честно...»	38
Штрафные батальоны	39
Городской романс	40

1964

«Потеряю истинную веру...»	43
Песня о звездах	44
Песня о госпитале	45
Все ушли на фронт	46
Наводчица	47
Антисемиты	48

1965

Песня о нейтральной полосе	51
Песня про снайпера, который через 15 лет после войны спился и сидит в ресторане	53
Дайте собакам мяса	54
«То была не интрижка...»	55
Братские могилы	56
«Сыт я по горло, до подбородка...»	57
«Мой друг уедет в Магадан...»	58
«В холода, в холода...»	59

Песня завистника	60
Про черта	61
«Есть на земле предостаточно рас...»	62

1966

Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную	65
Песня о сентиментальном боксере	67
Прощание	69
О вкусах не спорят	70
В далеком созвездии Тау Кита	72
«А люди все роптали и роптали...»	74
Песня о друге	75
Скалолазка	76
Прощание с горами	77
Она была в Париже	78
Про дикого вепря	79
«Напролет целый год — гололед...»	81
Пародия на плохой детектив	82
«Чем и как, с каких позиций...»	84
Песня-сказка о нечисти	86
«Подымайте руки, в урны суйте...»	88

1967

Песня-сказка про джина	91
Песня о вещем Олеге	93
Песня о вещи Кассандре	95

Два письма:

I. (<i>«Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный!..»</i>)	96
II. (<i>«Не тиши мне про любовь — не поверю я...»</i>)	97
Ой, где был я вчера	98
«Запретили все цари всем царевичам...»	100
Лукоморья больше нет. <i>Антисказка</i>	101
Спасите наши души	104
Песня о новом времени	106
Дом хрустальный	107
Моя цыганская	108
Деревянные костюмы	110
Москва—Одесса	111

1968

Две песни об одном воздушном бое:

I. <i>Песня летчика</i>	115
II. <i>Песня самолета-истребителя</i>	117
«На стол колоду, господа...»	119
Песенка ни про что, или что случилось в Африке	121
Утренняя гимнастика	123
Еще не вечер	125
«Жил-был добрый дурачина-простофиля...»	127
Марш аквалангистов	129
Куплеты Бенгальского (<i>из фильма «Опасные гастроли»</i>)	130
Охота на волков	132
Банька по-белому	134
«У нее все свое — и белье, и жильё...»	136

1969

Я не люблю	139
Оловянные солдатики	140
Ноль семь	142
Песенка о переселении душ	144
Поездка в город	146
«Подумаешь — с женой не очень ладно...»	148
«Я уверен, как ни разу в жизни...»	149
Песенка о слухах	150
Про любовь в каменном веке	152
Семейные дела в Древнем Риме.	154
Про любовь в эпоху Возрождения	156
Песня о Земле	158
Он не вернулся из боя	159
«Ну, вот исчезла дрожь в руках...»	160
Посещение Музы, или Песенка плагиатора	161
Человек за бортом	162
«Теперь я буду сохнуть от тоски...»	164
«Не возьмут и невзгоды в крутой оборот...»	166

1970

«Нет меня — я покинул Расею...»	169
Веселая покойница	170
«Переворот в мозгах из края в край...»	172
«Надо с кем-то рассорить кого-то...»	174
Бег иноходца	175
«Я несла свою Беду по весеннему по льду...»	176
Черное золото	177

Охота на кабанов.	178
Песенка про прыгуна в высоту.	180
«Здесь лапы у елей дрожат на весу...»	182

1971

О фатальных датах и цифрах	185
«Отпишите мне в Сибирь, я — в Сибири...»	186
Марафон	187
«Целуя знамя в пропыленный шелк...»	188
О моем старшине	190
Песня про первые ряды	191
«Дурацкий сон, как кистенем...»	193
Песня микрофона	195
Милицейский протокол	197
Случай	199
Песенка про мангустов	201
«Прошла пора вступлений и прелюдий...»	203

1972

Кони привередливые	207
Честь шахматной короны:	
I. Подготовка	209
II. Игра	211
Мой Гамлет	213
«Проложите, проложите...»	215
«Наши помехи — эпохе под стать...»	216
Товарищи ученые	218
Жертва телевиденья	220
«Все, что сумел запомнить, я сразу перечислил...»	222

«Мосты сгорели, углубились броды...»	223
Мы вращаем Землю	224
Дорожная история	226
Мишка Шифман	228
Тот, который не стрелял	231

1973

«Я бодрствую, но вещей сон мне снится...»	235
Диалог у телевизора	236
Чужая колея	238
«Жил-был один чудак...»	240
«Люблю тебя <i>сейчас</i> ...»	242
«Штормит весь вечер, и пока...»	244
«Я из дела ушел, из такого хорошего дела...»	245
Смотрины	246
Баллада о короткой шее	249
Прерванный полет	250
Баллада об уходе в рай	252
Песня Попугая	254
Памятник	256

1974

«Я полмира почти через злые бои...»	261
Студенческая песня	263
Кто за чем бежит	264
«Водой наполненные горсти...»	267
Очи черные:	
I. <i>Погоня</i>	269
II. <i>Старый дом</i>	271

Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме	273
Памяти Василия Шукшина	277
«Сначала было Слово печали и тоски...»	278

1975

Баллада о времени	281
Баллада о вольных стрелках	283
Баллада о Любви	285
Баллада о борьбе	287
Письмо к другу, или Зарисовка о Париже	289
«Препинаний и букв чародей...»	290
«Я еще не в угаре, не втиснулся в роль...»	291
Баллада о детстве	293
«Я прожил целый день в миру...»	297
Купола	299
Песня про Джеймса Бонда, агента 007.	300
Разбойничья	203

1976

Гербарий	307
«Ах, откуда у меня грубые замашки?...»	312
История болезни:	
I. Ошибка вышла	313
II. Никакой ошибки	317
III. История болезни	319
Две судьбы	321
Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука	324
Летела жизнь.	325
«У профессиональных игроков...»	328

1977

Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное — невероятное» из сумасшедшего дома — с Канатчиковой дачи	331
Про глупцов	335
Притча о Правде и Лжи	337
О конце войны	339
Про речку Вачу и попугайцу Валу	341
«Был побег на <i>рывок</i> ...»	344
Райские яблоки	347
«Мне судьба — до последней черты, до креста...»	349

1978

Попытка самоубийства	353
Конец «Охоты на волков», или Охота с вертолетов	354
«Давайте я спою вам в подражанье радиолам...»	356

1979—1980

«Слева бесы, справа бесы...»	359
Лекция о международном положении, прочитанная человеком, посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство, своим сокамерникам	360
«Меня опять ударило в озноб...»	362
«Мой черный человек в костюме сером...»	363
«Я никогда не верил в миражи...»	364
«Мне скулы от досады сводит...»	365
«Я верю в нашу общую звезду...»	366
«Я спокоен — Он мне все поведал...»	367
«Мы бдительны — мы тайн не разболтаем...»	368

Две просьбы:	
I.	369
II.	369
«По речке жизни плавал честный Грека...»	370
«На Филиппинах бархатный сезон...».	371
«Стреляли мы по черепу — на счастье...».	372
«И снизу лед, и сверху — маюсь между...»	373